

Глава 6.

Марксизм как критика либеральной теории справедливости

Особенности марксистской концепции справедливости

Возрождение нормативной теории справедливости в американской аналитической философии 70-х годов привело, в частности, к появлению аналитического марксизма и возрождению интереса к теории справедливости классического марксизма. Действительно, Маркс является одним из наиболее последовательных и решительных критиков либерализма. Либерализм, как общественно-государственная форма капитализма, должен быть безоговорочно отправлен туда же, куда и сам капитализм, – на свалку истории. Этот безапелляционный вывод покоится на системе аргументов, которые нам предстоит тщательно взвесить с тем, чтобы подтвердить или отвергнуть Марксов приговор либеральной справедливости. Но Маркс не писал специальных работ о справедливости и нередко презрительно отзывался об этой ценности. Что же в таком случае представляет собой Марксова критика либеральной справедливости? Является ли она нормативной критикой с позиции высшей коммунистической справедливости или это сугубо научная, позитивная критика, которая не опирается ни на какие ценности? В западной литературе получила наи-

большее распространение точка зрения Аллена Вуда¹, который доказывал, что коммунизм Маркса, – это внеморальное общество «по ту сторону справедливости», а Марксова критика капитализма имеет вненормативный характер.

Действительно, Маркс широко применяет вненормативную критику капитализма, но из этого не следует, что у него не было имплицитной концепции справедливости, которую можно реконструировать². Не желая создавать утопии, Маркс не хотел размышлять о том, как будут решаться проблемы справедливости в коммунистическом обществе, каковы будут те принципы, в соответствии с которыми будут распределяться блага, происходить обмен и осуществляться воздаяние. Но у Маркса была совершенно определенная концепция справедливости, которая совпадала с коммунистическим идеалом. Коммунизм – это общество, в котором всестороннее развитие личности является высшим принципом и целью. Соответственно все, что мешает этой цели, должно было стать и стало объектом критики со стороны Маркса. Капиталистическое и либеральное общество являются несправедливыми уже по той причине, что они:

1. Не обеспечивают наиболее полного развития производительных сил и как следствие полноты удовлетворения потребностей и счастья.

2. Представляют собой общество, в котором допускается эксплуатация человека человеком.

3. Представляют собой общество, в котором имеет место отчуждение человека.

Эти три пункта обвинения и составляют три главных и взаимосвязанных направления критики либеральной справедливости, которая может иметь вненормативный или нормативный характер в зависимости от пристрастий критика. То обстоятельство, что Маркс более полагался на то, что ему представлялось научной (вненормативной) критикой, несколько не мешает последователям Маркса дополнить ее нормативной критикой с позиции коммунистического идеала всестороннего развития личности.

¹ См.: Wood, A. The Marxian Critique of Justice // Philosophy and Public Affairs. 1972. Vol. 1. № 3.

² Эта работа была проделана аналитическим марксистом Бьюкэненом в его книге «Маркс и справедливость»: Buchanan, A. Marx and Justice: The Radical Critique of Liberalism. Totowa, New Jersey: Rowman and Littlefield, 1982.

Утверждая, что коммунизм представляет собой общество вне справедливости, Вуд в действительности имел в виду не просто справедливость, но именно распределительную справедливость. Как было показано выше, тенденция отождествления распределительной справедливости со справедливостью как таковой составляет также и характерную черту многих либеральных концепций справедливости, начиная с концепции Д.С.Милля. Коммунизм имеет свою систему высших принципов, а следовательно, и свою общую справедливость. Что касается утверждения об исчезновении обстоятельств справедливости и, как следствие, самой справедливости при коммунизме, то оно представляется нам малообоснованным. Ни одно общество не может обойтись без распределения, обмена и воздаяния. Трудно предположить ситуацию, при которой подобного рода отношения не будут облекаться в нормативную форму, за добро перестанут платить добром, воздавать по заслугам и т. д. Вместе с предполагаемым Марксом исчезновением права и государства могут исчезнуть лишь юридические формы, которые закрепляют эту справедливость, то, что мы обычно называем словом «юстиция». Маркс мог иметь в виду именно это, но приписывать Марксу представление об исчезновении справедливости при коммунизме было бы не только необоснованно, но и излишне, поскольку разработка концепции справедливости при коммунизме вообще не входила в его задачи.

Другое распространенное заблуждение, которое в действительности является обратной стороной точки зрения Вуда, было характерно для советских авторов, которые полагали, что идеал коммунистической справедливости целиком и полностью выражен в формуле «распределение по потребностям». Действительно, в работе «Критика Готской программы» Маркс писал: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: От каждого по спо-

собностям, каждому по потребностям»¹! Но в действительности речь идет лишь о самом общем предположении, о способе распределения некоторых наиболее примитивных материальных благ. В связи с изобилием этих благ их можно будет распределять по потребностям. Нечто подобное писал и Энгельс, утверждая, что «... при изобилии материальных благ вопрос о справедливости их распределения сам собой утрачивает свое значение»².

В данном случае Маркс отнюдь не провозглашает универсальную формулу справедливости. «Распределение по потребностям» ни в каком обществе и ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться не только как универсальная формула общей справедливости, но даже и как универсальная формула распределительной справедливости. Все блага, которые общество распределяет между своими членами, оно может распределять, используя несколько основных взаимодополняющих критериев: потребности, свободного обмена и заслуг³. Коммунистическое общество не является исключением. Некоторые блага действительно могут распределяться по потребностям. Какие именно – определяет само общество, исходя из своих ценностей и своих возможностей: медицинское обслуживание, образование, бани или святое причастие. Но есть целый ряд благ, как, например, власть или признание, которые не подлежат распределению по потребностям ни при каких обстоятельствах, и Маркс не мог быть настолько наивным, чтобы это не понимать. Но, повторяем, разработка концепции распределительной справедливости для коммунизма не входила в задачи научного социализма. Создавать подобную концепцию означало бы безнадежно покинуть сферу научного анализа. «А мудрствование о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, ведет прямо в область утопии. Самое большее, что мы можем утверждать, исходя из изучения основных условий всех предыдущих способов производства, это то, что с падением капиталистического производства извест-

¹ Маркс К. Критика Готской программы // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 19. С. 20. Здесь и ниже мы ссылаемся на второе издание собрания сочинений Маркса и Энгельса.

² Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 20. С. 637.

³ Это было детально рассмотрено в книге Уольцера. *Walzer, M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality*. New York: Basic Books, 1983.

ные формы присвоения, характерные для старого общества, станут невозможными»¹.

Можно убедиться, что перед нами две интерпретации на одну и ту же тему. В обоих случаях речь идет о распределительной справедливости, которая понимается как синоним справедливости как таковой. Но если Вуд был убежден, что предполагаемый Марксом переход к распределению по потребностям при коммунизме будет означать упразднение справедливости, советская идеология называла это, напротив, венцом справедливости.

Утверждая отсутствие концепции справедливости у Маркса, Вуд сталкивается с проблемой интерпретации многочисленных случаев резкой моральной критики Марксом современной ему действительности. Он приходит к выводу, что во всех этих случаях капитализм подвергается критике, но не с высот иной, внекапиталистической справедливости, а, в конечном счете, за его неспособность решить элементарные социальные проблемы. Следовательно, речь идет о том, что капитализм представляет собой просто устаревшую модель способа производства, которая не справляется с задачей дальнейшего развития производительных сил и, как следствие, с задачей удовлетворения потребностей. Он не может избавить нас от голода, болезней, нищеты и иных страданий. Подобные высказывания представляют собой лишь вариант эмоциональной констатации научного факта. Маркс неоднократно отмечал, что страдания масс неизбежны при капитализме, а значит, морализировать по этому поводу было бы излишне.

Действительно, в работах Маркса и Энгельса можно найти немало высказываний по поводу несправедливости капиталистического общества. Однако нам представляется более точной интерпретация этих высказываний Бюкененом. Бюкенен указывает на существование двух уровней (внешнего и внутреннего) марксистской критики с позиции справедливости². Первый уровень – это критика капиталистического общества с позиции коммунистической справедливости. Она направлена главным образом против общей справедливости капитализма. Второй уровень критики, это критика ее с позиции собственной капиталистической справедливости, где в качестве критерия должного выступает не коммунистическая, но капиталистиче-

¹ Энгельс Ф. К жилищному вопросу // *К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения*. Т. 18. С. 282.

² *Buchanan, A. Marx and Justice*. P. XII.

ская же справедливость. Именно в рамках этого второго уровня Маркс и Энгельс нередко применяли термин «справедливость». Маркс действительно полагал, что от концепции справедливости нельзя требовать ничего большего, кроме как соответствия своему собственному способу производства, надстройкой которого она является, но из этого не следует вывод, что критика вообще излишня.

Капитализм имеет свою собственную справедливость, которая наиболее полным образом выражена в либеральных идеях эквивалентности взаимного воздаяния и формальной свободы. В этом смысле эксплуатация, отчуждение и фетишизация потребления вполне соответствуют капиталистической справедливости и не могут быть объектами критики с позиции либеральной справедливости. Но при капитализме вообще и либеральном режиме в частности собственная капиталистическая справедливость очень часто нарушается. Это нарушение может иметь место в отношениях обмена, когда нарушается его главное условие – эквивалентность. «Пользование моей рабочей силой и расхищение ее – это совершенно различные вещи»¹. Это нарушение может иметь место в отношениях распределения, когда, например, рабочим систематически недоплачивают за их труд. «Справедливая заработная плата при нормальных условиях есть та сумма, которая нужна для того, чтобы обеспечить рабочему средства существования, необходимые соответственно уровню жизни в его положении и в данной стране, для поддержания его работоспособности и для продолжения его рода»². Если это условие нарушается – перед нами нарушение собственно капиталистической распределительной справедливости. Это нарушение может иметь место при наказании преступников, когда деньги помогают их владельцу уйти от ответственности. Такая чрезмерная власть денег является несправедливостью даже и с точки зрения формального буржуазного права. Критикуя несправедливость капитализма с точки зрения капиталистической справедливости, Маркс и Энгельс поступают как либеральные, а не социалистические философы. Их оценки являются либеральными, а не социалистическими и не представляют для нас интереса. Уровень критики, который нас интересует в настоящей статье, – это внешний уровень, критика с высоты коммунистической справедливости.

¹ Маркс К. Капитал // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 245.

² Энгельс Ф. Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день. // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 42. С. 256.

Справедливость, с точки зрения Маркса, относится к числу идеологических, надстроечных понятий, которые соответствуют базису общества и являются его отражением. Справедливость всегда представляет собой лишь идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны. Роль справедливости существенно различается от формации к формации. В капиталистическом обществе справедливость имеет охранительную и компенсаторную функцию. Прежде всего она призвана идеологически поддерживать соответствующий ей способ производства. Кроме того, она нужна для сдерживания бесконечных конфликтов, неизбежных в условиях классовых антагонизмов. В отличие от либеральных философов, которые склонны видеть в справедливости первую добродетель общественных институтов, Маркс относился к этой ценности весьма скептически. При капитализме она не может играть никакой, кроме как консервативной, роли. Она не играет значительной роли и при переходе к коммунизму, который наступает в результате действия объективных законов истории, а не нормативной критики. Совершая революцию и беря в свои руки средства производства, пролетарии следуют исключительно своим материальным интересам, а не чувству справедливости. Пролетариат составляет большинство населения, и ему нет необходимости скрывать свой интерес под фиговым листком призывов к общей справедливости, как это было характерно для буржуазии в пору ее революционной молодости. Как верно утверждает Бюкенен, «Маркс подвергает сомнению две доктрины, которые мы склонны считать самоочевидными: принцип справедливости как первой добродетели общественных институтов и принцип уважения к правам индивидов как первой добродетели индивидов»¹.

Тем не менее коммунизм, как и всякая концепция общественного устройства, не может не иметь своей концепции общей справедливости. Маркс опровергает принцип распределительной справедливости как первой добродетели общественных институтов и в особенности ее юридическое выражение, но не справедливость вообще. Общая справедливость коммунизма – это и есть идеал общества свободного неотчужденного труда, где отсутствует эксплуатация, имеет место бурное развитие производительных сил и возвышение потреб-

¹ *Buchanan, A. Marx and Justice. P. 85.*

ностей. Этот идеал не есть, с точки зрения Маркса, полет ценностной фантазии, но строго научное предвидение. Разумеется, последнее представляет собой наивное позитивистское заблуждение и не может вызвать ничего, кроме снисходительной улыбки. Однако даже если сам Маркс и не придавал никакого значения ценностной критике капитализма, уповая на его научную критику, мы можем это сделать вместо него, как это и делают современные аналитические марксисты, которые отказались от позитивистской веры в неумолимые законы истории. Коммунистическая концепция общей справедливости, хотел того Маркс или нет, в действительности стала основанием критики либеральной справедливости и, соответственно, мотивом революционной деятельности вполне независимо от позитивистской констатации неизбежности краха капитализма.

Итак, подведем итог нашему рассуждению. Справедливость с точки зрения Маркса есть не более чем идеологическая надстройка над экономическим базисом общества. Коммунизм, как и капитализм, имеет свои собственные базис и надстройку, а следовательно, и свою концепцию справедливости. Несостоятельность капитализма заключается не в его несоответствии идеалам справедливости, но в его несоответствии законам общественного развития. Назовем это «научной» критикой либеральной справедливости. По всей вероятности, всякую иную критику Маркс считал излишней и даже вредной, поскольку она может увлечь пролетариев в бесконечные дебаты о ценностях и тем самым отвлечь от революционного действия. Излишним, с точки зрения Маркса, является и мотив справедливости как источник революционного действия. Однако, что бы ни думал Маркс, мы имеем право применить идеал коммунистической справедливости для нормативной критики либерализма. Это позволяет последовательно Маркса выдвинуть, по крайней мере, еще два тяжких нормативных обвинения с позиции чистой справедливости: либерализм поощряет эксплуатацию человека человеком и либерализм освящает отчуждение. И то и другое несправедливо, следовательно, связанная с ними общественная система не имеет права на существование. Назовем эти два обвинения ценностной критикой либеральной справедливости. Даже если законы общественного развития и не торопятся с уничтожением капитализма, кто может нам запретить уничтожить его из соображений чистой справедливости? Этот вывод не содержится в классическом марксизме, но и не противоречит ему.

*«Научная» критика либеральной справедливости,
или утилитарный аргумент от потребностей*

То, что я называю научной критикой капитализма, есть критика с точки зрения законов истории, которые, как был уверен Маркс, ему удалось открыть. Коммунизм, который должен прийти на смену капитализму вообще и либерализму в частности, имеет превосходство не в силу своей более совершенной справедливости, но в силу неумолимых законов истории. По этой причине критику Маркса можно считать критикой позитивной, научной, основанной на фактах и общественных законах. Подобная трактовка, как и само отделение фактов от ценностей, является марксистской данью модному философскому течению под названием позитивизм, который чуть позже, к концу XIX века, приведет к полной капитуляции моральной философии перед нормативными проблемами. Но Маркс, даже и в свои зрелые годы, так и не стал полным позитивистом. Даже самое научное из его произведений – «Капитал» не чуждо моральной силы и романтической эмоциональности. Что касается молодого Маркса, то он и вовсе не чуждался языка ценностей, о чем свидетельствует полнота и сила его концепций эксплуатации и отчуждения, которые вряд ли можно изложить беспристрастным языком фактов. В работах молодого Маркса содержится много острой экзистенциальной критики капитализма с позиции справедливости. В работах позднего Маркса, как убедительно доказывает Бюкенен, эта критика сохраняется, хотя и отходит на второй план. Первый план занимает научная критика. Однако сила его научной критики связана именно с тем, что она сохраняет опору на ценностную критику. Возможно, именно в этом и заключается секрет привлекательности марксистской философии.

Критикуя либерализм с высоты открытых им законов общественного развития, Маркс имел в виду прежде всего три закона. Это закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, закон смены общественно-экономических формаций и закон возвышения потребностей. В силу действия первого закона история человечества есть не что иное, как череда сменяющихся способов производства, когда каждый последующий способ представляет собой прогрессивное развитие первого. Производственные отношения меняются в результате неуклонного развития производительных сил. Бурное развитие производительных сил в рамках капиталистической общественно-экономической

формации неуклонно ведет к появлению нового противоречия в рамках очередного способа производства. Рано или поздно буржуазные производственные отношения будут неспособны обеспечивать неуклонное развитие производительных сил. Одновременно формируется и могильщик этого способа производства – пролетариат, который в силу своего объективного положения заинтересован в переменах. Надеяться на перемены посредством изменения ценностей людей было бы иллюзией. Изменения сознания могут быть только результатом общественных изменений, но не причиной. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹. По этой причине Маркс не мог возлагать надежд на справедливость как мотив революционного действия. «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»².

Пролетариат совершает экспроприацию средств производства не по причине стремления к справедливости, а по причине стремления к собственному элементарному материальному интересу. Противоречия между трудом и капиталом становятся очевидными без всякой теории справедливости. Главный недостаток капитализма заключается не в том только, что он неспособен обеспечить дальнейшее развитие производительных сил. Само развитие этих производительных сил нуждается в изменении характера потребностей. С победой коммунизма элементарные материальные потребности оказываются полностью удовлетворенными и на первый план выходят совсем иные потребности – потребности во всестороннем развитии личности посредством творческого труда, которые уже не знают порога насыщения. Именно по этой причине коммунизм кончается предыстория человечества и начинается его подлинная история. Уничтожая частную собственность на средства производства, пролетариат не только достигает своего собственного материального интереса, но и создает основы последующего бескризисного развития общества, поскольку потребности человека выходят на принципиально иной уровень своего воспроизводства, обеспечивая тем самым и простор развитию производительных сил. «Буржуазные производст-

¹ Маркс К. К критике политической экономии // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 13. С. 7.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 3. С. 34.

венные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистическими не в смысле индивидуальных антагонизмов, а в смысле антагонизмов, вырастающих из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹.

Нам представляется, что Марксова научная критика капитализма – это критика с «двойным дном»: она содержит в себе нормативную критику, на которой паразитирует «научная» критика. Хотя коммунизм и представляет собой результат неумолимого действия законов истории, Маркс не может отрицать, что он все же «лучше» капитализма. Он лучше капитализма главным образом по причине лучшего удовлетворения потребностей. Представляется, что научная критика капитализма Марксом может быть редуцирована к нормативной в соответствии со следующей схемой: смысл развития производства – в удовлетворении потребностей; смысл удовлетворения потребностей – в счастье. По этой причине можно утверждать, что Марксова научная критика является лишь завуалированной ценностной критикой, а марксизм является разновидностью утопического утилитаризма. Если бы Маркс мог доказать своему современнику Бентamu, что некоторые неудобства капиталистов, у которых отнимают средства производства, будут искуплены величайшими удовольствиями многих и многих поколений людей, он, без сомнения, стал бы коммунистом. Если бы Маркс мог доказать Миллю, что эти потребности действительно станут возвышенными, то и Милль стал бы коммунистом. Но Бентам, а еще более того Милль были склонны слишком высоко чтить ценность свободы и прав и не соглашались рисковать ими в угоду заманчивым, но опасным социальным экспериментам. Их утилитаризм налагал жесткие ограничения на возможность экспериментов в интересах счастья. В этом существенная разница между научным коммунизмом Маркса и либеральным утилитаризмом Бентама и Милля. В этом смысле научный коммунизм Маркса вполне достоин названия утопический или даже радикально-авантюристический утилитаризм. Впоследствии история подтвердила, что марксисты – это именно те утилитаристы, которые готовы

¹ Маркс К. К критике политической экономии. С. 7–8.

сыграть в «русскую рулетку», где ставкой является высочайшее, но призрачное счастье громадного большинства людей.

Кантианский аргумент от эксплуатации

При чтении трудов Маркса невольно складывается представление, что недостаток капитализма заключается не только в том, что он является «устаревшей моделью» общественного устройства, но и в том, что он попросту несправедлив. Элементарная и вопиющая несправедливость капитализма в его неразрывной связи с эксплуатацией человека человеком, которая имеет систематический и институциональный характер и получает идеологическую поддержку и оправдание со стороны либерализма. Маркс не придавал большого значения нормативной критике, и потому его высказывания о моральном зле эксплуатации далеки от концептуальной завершенности. Как верно отмечает Арнесон «во многих текстах Маркс прибегает к риторике, которая предполагает его веру в моральное зло эксплуатации, будь то при капиталистическом или любом другом обществе. Во многих случаях Маркс делает намеки на причины того, почему эксплуатацию следует считать злом. Но эти намеки остаются неразвитыми, а их основания неясными»¹.

Под эксплуатацией обыкновенно понимается несправедливое использование другого человека или группы людей вопреки его или их интересам, очень часто в ущерб этим интересам и, как правило, под угрозой силы или с применением обмана. Подобное понимание эксплуатации мы находим уже в трудах Аристотеля под названием недобровольного или непроизвольного обмена². Предвосхищая критику капитализма и теорию отчуждения, Аристотель осуждает ростовщичество, поскольку оно искажает естественную форму обмена как деятельность, обусловленная не естественными причинами, но стремлением нажиться на несчастье другого человека. Эксплуатация может иметь как единичный, так и институциональный характер. Единичные, эпизодические факты эксплуатации неизбежно присутствовали и, по всей вероятности, будут присутствовать в любом обществе. Что касается институциональной и системной эксплуатации,

¹ Arneson R. What's Wrong with Exploitation // Ethics. Vol. 2. № 91. P. 208.

² EN, 1131a, 5–8.

в особенности одной группы по отношению к другой, то она является продуктом определенных общественных условий и ее можно избежать, если изменить эти условия. Поскольку нас интересует именно институциональная, а не единичная эксплуатация, речь в дальнейшем будет вестись именно о ней.

Главный теоретический фундамент Марксовых представлений о зле эксплуатации составляет, без сомнения, философия Канта и Гегеля. Эксплуатация является собой вопиющий пример использования другого человека как средства. В философии права Гегеля идея эксплуатации тесно связана с концепцией «гражданского общества», в котором каждый в силу субъективности своей воли стремится использовать другого человека как средство. Однако государство способно снять ограниченность «гражданского общества» и положить конец эксплуатации, а заодно и «войне каждого против каждого». В этом и заключается смысл деятельности бюрократии как всеобщего сословия. Весь последующий либерализм, в том числе и теория справедливости Д.Ролза¹, основывается на этом утешительном убеждении.

В работах Маркса можно найти три философско-политические концепции институциональной эксплуатации. Это, прежде всего, общая концепция эксплуатации, во-вторых, это концепция эксплуатации во всех докоммунистических формациях и, в-третьих, концепция эксплуатации в специфических условиях капитализма. Начнем с Марксовой общей концепции эксплуатации как таковой. Ее основные черты представлены в ранних работах Маркса и Энгельса. Вполне в духе Руссо Маркс утверждает, что отношения взаимной эксплуатации возникают с появлением собственности. Эти отношения приобретают системный и институциональный характер с возникновением товарных отношений и денег. В условиях капитализма или, что то же самое, гражданского общества взаимная эксплуатация становится главным принципом отношений между всеми членами общества. Речь при этом идет не только об отношении между классами и тем более не только об отношении купли-продажи рабочей

¹ В теории Д.Ролза также содержится своя концепция эксплуатации. Ее главный источник заключается в том, что наиболее предприимчивые и способные люди нередко используют не очень предприимчивых и способных, навязывая им кабальные условия соглашения. Но смысл принципов справедливости, которые предлагает Ролз, заключается именно в том, чтобы не допустить в том числе и эту изощренную эксплуатацию, не говоря уже о более примитивных разновидностях, как эксплуатация в результате найма рабочей силы.

силы, но об отношениях каждого к каждому. Маркс пишет о всеобщей эксплуатации, которая проникает даже и в семейные отношения. Маркс не разделяет наивных иллюзий Гегеля о том, что государство способно положить конец эксплуатации. Государство есть не что иное, как орудие подавления одного класса другим, а следовательно, главный механизм эксплуатации. Правда, в определенных условиях бюрократическое государство может выйти из-под контроля того или иного класса. Но в этом случае государственная бюрократия сама становится эксплуататорским классом.

Согласно другой концепции Маркса эксплуатация имеет место в отношениях между основными классами во всяком классовом обществе и возникает в процессе производства. Каждая из предшествовавших коммунизму общественно-экономических формаций была основана на своей особенной эксплуатации. Маркс различал три такие формации: восточный деспотизм, античное рабовладение, феодализм. Методы эксплуатации были различны, как различны и способы производства. Грубые, примитивные и очевидные формы эксплуатации сменялись все более изощренными, пока не были доведены до совершенства в условиях капитализма. Но суть эксплуатации в процессе труда оставалась неизменной. Это был принудительный труд, продукт которого полностью или частично отчуждался от работника.

Третья концепция – это эксплуатация в отношении пролетариата со стороны владельцев средств производства, которая имеет место при капитализме в процессе труда. Именно эта эксплуатация имеет парадигмальный характер для марксистской политической философии. Эта эксплуатация являет собой специфический феномен извлечения прибавочной стоимости из труда рабочего. Маркс полагал, что процесс труда может быть разделен на две части: необходимый и прибавочный труд. Труд, в процессе которого создается эквивалент стоимости, необходимой для воспроизводства рабочей силы, и труд, в процессе которого создается некоторая дополнительная стоимость, достающаяся капиталисту. В этом и заключается эксплуатация. Рабочего не просто используют как средство, его именно эксплуатируют. Об этом свидетельствуют три признака прибавочного труда:

А. *Это труд принудительный.* Капиталист контролирует средства производства, и рабочий вынужден принимать условия найма, поскольку находится под угрозой увольнения и голодной смерти. Рабочий с самого начала оказывается в неблагоприятных условиях. «Голод ставит его в страшно невыгодное положение. А между тем,

согласно политической экономии класса капиталистов, в этом-то и заключается верх справедливости»¹.

Б. *Это труд неоплаченный*. Капиталист забирает себе стоимость, произведенную рабочим в ходе прибавочного рабочего времени. «Рабочий дает так много, а капиталист так мало, как только позволяет природа этой своеобразной сделки. Такова эта весьма своеобразная справедливость»².

В. *Это труд, приносящий вред рабочему*. Вред этого труда заключается в том, что он отчуждает рабочего от его родовой сущности, превращая его в говорящее орудие; отчуждает его от продукта труда, который грозит ему кризисами перепроизводства; отчуждает рабочего от других рабочих, которые становятся его конкурентами по условиям найма. «Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь. Таким образом, чем больше эта его деятельность, тем беспредметнее рабочий. Что отошло в предмет его труда, того уже нет у него самого»³.

Все это вместе взятое превращает наемный труд в разновидность рабства. Увековечение условий труда как чужой по отношению к рабочему собственности, как капитала ведет к увековечению положения трудящегося как наемного работника и поэтому увековечивает и его удел – часть своего рабочего времени постоянно работать даром в пользу другого лица. Маркс полагал, что эксплуатация в процессе труда при капитализме может быть устранена только вместе с капитализмом, то есть при условии перехода к общественной собственности на средства производства. Капиталисты не выбирают эксплуатацию. Каждый капиталист должен либо успешно состязаться с другими, либо потерять свой капитал. Для успешного состязания он должен получать больше и больше прибавочной стоимости от своих рабочих и тем самым увеличивать то, что Маркс называл степенью эксплуатации. Согласно теории Маркса эксплуатация не может исчезнуть в связи с ростом заработной платы, поскольку размер оплаты, хотя и улучшает положение рабочего, никак не влияет на вышеперечисленные факторы эксплуатации.

¹ *Энгельс Ф.* Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день // *К.Маркс, Ф.Энгельс.* Сочинения. Т. 19. С. 256.

² Там же.

³ *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения. Т. 42. С. 88.

Вопреки распространенному мнению¹ теория эксплуатации Маркса также не находится в прямой зависимости от трудовой теории стоимости, которой действительно придерживался Маркс и которая оказалась опровергнутой современной экономической действительностью. Даже если и не вся стоимость создается трудом рабочих, их труд все равно остается принудительным, неоплаченным и отчужденным. Не является убийственным для марксизма и другой распространенный аргумент, что частная собственность в условиях либерального режима может быть заменена на общественную, если на то будет воля большинства. Вот что об этом пишет главный теоретик современного либерализма Джон Ролз: «Представляется, по крайней мере, теоретически очевидным, что либеральный социалистический режим может вполне соответствовать двум принципам справедливости. Нам следует только предположить, что средства производства находятся в общественной собственности и что фирмы управляются либо советами рабочих, либо назначенными ими агентами. Демократически принимаемые общие решения в рамках конституции определяют общие черты экономики, такие как размер отчислений и размер воспроизводства важнейших общественных благ. С учетом данных экономических условий фирмы будут действовать в условиях рынка весьма сходным образом. Хотя основополагающие институты примут иные формы, в особенности в отношении органов распределения, нет никаких принципиальных оснований полагать, что справедливые доли не могут быть достигнуты. Теория справедливости сама по себе не тяготеет к тому или иному режиму»². Разумеется, далеко не все разновидности современного либерализма открыты для подобного рода выводов, он совершенно неприемлем, например, для либертариизма. Но экономический социализм вполне совместим с современным либерализмом. Единственным условием, которое оставляет за собой либерализм, это то, что все подобные преобразования должны совершаться демократическим путем, не нарушая законов и прав человека.

Но с точки зрения марксизма раб остается рабом, даже если ему нравится его рабское состояние. Эксплуатация остается эксплуатацией, даже если эксплуатируемый с ней полностью согласен. Отчужденное сознание рабочих ведет к тому, что они привыкают к экс-

¹ Утверждение, что теория эксплуатации К.Маркса теряет всякий смысл по причине опровержения ее основы трудовой теории стоимости, было высказано в частности Р.Нозиком. См.: *Nozick, R. Anarchy, State and Utopia.*

² *Rawls, J. A Theory of Justice.* P. 280.

плуатации и отчужденный язык вещных стоимостей начинает казаться им естественным. Наше согласие ничего не меняет, труд при капитализме все равно остается принудительным, неоплаченным и приносящим вред.

Перфекционистский аргумент отчуждения

Другая разновидность нормативной критики либеральной теории справедливости, которая содержится в марксизме, отталкивается от концепции отчуждения. Концепция отчуждения у Маркса достаточно противоречива, сложна и является предметом дискуссий. Под отчуждением Маркс, по всей вероятности, понимал создание особых общественных условий, при которых результаты человеческой деятельности превращаются не только в чуждую, но даже враждебную человеку силу. Отчуждение приобретает наиболее зримый и всеобъемлющий характер в условиях капиталистического общества. Жизнь людей в условиях отчуждения калечит их, делает «частичными индивидами», неразвитыми существами. В этом смысле капитализм в либеральной и любой иной форме означает торжество нечеловеческих условий общественной жизни над условиями человеческими. Результатом отчуждения становится искажение, обеднение человеческой природы и, следовательно, деградация личности. Отчуждение тесно связано с эксплуатацией, но не сводится к ней. Разделив частную собственность на средства производства поровну, мы, возможно, избавимся от эксплуатации, точнее, создадим равенство шансов в этой взаимной эксплуатации, но мы не избавимся от отчуждения. Отчуждение в условиях капитализма охватывает все сферы жизни и приобретает следующие основные формы:

– отчуждение человека непосредственно в процессе его труда в результате превращения труда в сумму бессмысленных механических операций, связанных между собой конвейером. Назовем это отчуждением процесса труда;

– превращение условий труда (собственность на средства производства, управление, организация) в чуждую и враждебную работнику силу, в результате чего труд промышленного рабочего превращается в разновидность рабского труда. Назовем это отчуждением условий труда. Или, говоря словами Маркса: «Совокупность объек-

тивных условий труда противостоит рабочему как чужая собственность»¹;

– превращение результатов труда в чуждую и враждебную работнику силу, в результате чего предметы, которые производит рабочий, становятся не только глубоко ему безразличны, но и могут становиться враждебны, вызывая кризисы перепроизводства. Назовем это отчуждением результатов труда;

– появление ложного сознания, в частности религии и концепций справедливости, призванных отвлечь сознание работника от его подлинных интересов. Назовем это отчуждением сознания;

– появление социальных структур и институтов, враждебных интересам трудящихся – бюрократическая машина. Назовем это отчуждением общественной власти;

– отчуждение человека от человека. Создание таких условий, при которых другой человек становится для нас лишь средством удовлетворения наших примитивных и тоже отчужденных потребностей. Назовем это отчуждением человека от человека;

– отчуждение человека от своих собственных потребностей. «Частная собственность сделала нас настолько глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим, лишь когда мы обладаем им... когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем – употребляем... Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания»². Назовем это отчуждением потребностей.

Этот список можно было бы продолжить. Но венчает его то, что составляет самое главное и самое ужасное отчуждение, которое интегрирует все перечисленные формы, в чем собственно и выражается деградация личности. «Эта общественная связь выступает в форме отчуждения. Ибо субъект этой общественной связи, человек, есть отчужденное от самого себя существо»³. Это не что иное, как отчуждение человека от своей собственной человеческой сущности. Общество должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить развитие человеческого совершенства и предотвратить его деграда-

¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 26. х. 3. С. 364.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. С. 120.

³ Маркс К. Конспект книги Дж.Милля «Основы политической экономии» // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 42. С. 24.

цию. Марксистский перфекционизм¹ проявляет себя в утверждении о том, что определенные формы общественной жизни представляют собой большее совершенство, чем другие, и должны быть утверждены, в то время как другие должны быть ограничены или устранены. Это прямо противоречит либерализму, который настаивает на равноценности всех свободно выбранных форм общественной жизни. Неотчужденной формой жизни является коммунизм с его общественной собственностью на средства производства, для которого всестороннее развитие человеческой природы становится уже не косвенным и случайным последствием, но самоцелью.

Любая разновидность перфекционизма должна показать, в чем именно заключается человеческое совершенство. В случае марксизма это есть не что иное, как наша способность к творческой и кооперативной деятельности. Производить всяким иным способом означает противоречить нашей человеческой сущности. Таким образом, смысл общественной жизни заключается исключительно в том, чтобы достичь самореализации индивида во всей ее полноте. Для этого нужно исключить продажу рабочей силы и частную собственность на средства производства, что становится возможным на определенном этапе развития капиталистического способа производства. Социализация средств производства приводит к умножению удовлетворения от труда, труд становится первой жизненной потребностью и к человеку возвращается его подлинная сущность. «Всестороннее проявление индивида лишь тогда перестает представляться как идеал, как призвание и т. д., когда воздействие внешнего мира, вызывающее у индивидов действительное развитие их задатков, будет взято под контроль самих индивидов, как этого хотят коммунисты»². В этом случае труд станет средством саморазвития человека, превратится в реализацию человеком своих лучших сторон.

Контраргументы либеральной теории справедливости

Следующий вопрос, который было бы наиболее естественно рассмотреть, – это вопрос о том, насколько весома критика Маркса и

¹ Перфекционизм – это морально-этическая концепция, в соответствии с которой человек и общество в целом должны стремиться к некоему так или иначе понимаемому идеалу совершенства. В марксизме таким идеалом является всестороннее развитие личности.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 282.

оставляет ли она какие-либо шансы либеральной теории. Я полагаю, что современный либерализм вполне преодолел критику марксизма. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что аргументы Маркса достаточно эклектичны. Они сводятся к четырем основным:

«Научный» аргумент. Капитализм не обеспечивает достаточного роста производительных сил.

Утилитарный аргумент. Капитализм не обеспечивает удовлетворения и возвышения потребностей, а следовательно, и счастья.

Кантианский аргумент. При капитализме имеет место эксплуатация человека человеком.

Перфекционистский аргумент. При капитализме имеет место отчуждение, а следовательно, деградация человека.

Начнем с «научного» аргумента. Этот важнейший для Маркса аргумент выглядит наиболее слабым. Прежде всего, указанные Марксом законы общественного развития имеют весьма сомнительный характер. Их наличие не подтверждается ни исторической наукой, ни общественной практикой. Любая научная социальная критика имеет смысл лишь в том случае, если она служит обоснованием рационального действия. Слабость марксистской научной критики заключается главным образом в слабости этого обоснования. Маркс наивно полагал, что в результате действия неумолимых общественных законов капиталисты будут ужесточать эксплуатацию, и положение рабочих будет неуклонно ухудшаться до тех пор, пока те не возьмут в руки оружие. Роль марксизма как критической теории в этом случае заключается только в том, чтобы направить революционное усилие в русло построения коммунизма. Этот вывод Маркса основывается на двух предположениях, которые нельзя назвать обоснованными. Во-первых, Маркс наивно полагал, что капиталисты не смогут решить проблему коллективной рациональности и, объединившись, создать систему общественной регуляции и сносные условия для рабочих. Как результат, хаос общественного производства, и положение рабочих будут усугубляться настолько, что рабочие совершат революцию и возьмут в свои руки собственность на средства производства повинуюсь только своим элементарным материальным интересам. Стремление капиталистов к выколачиванию прибавочной стоимости из пролетариев является необходимым условием для роста революционной мотивации. Предвидениям Маркса не суждено было сбыться. Как будто стремясь избежать предска-

заний Маркса, современные капиталисты сумели избавиться от крайностей неуправляемого капитализма XIX века. Они создали систему государственной регуляции и отказались от чрезмерной эксплуатации рабочих.

Во-вторых, Маркс столь же наивно полагает, что в отличие от капиталистов рабочие смогут решить проблему коллективной рациональности и, объединившись, свергнуть класс капиталистов. Маркс явно не учел иной вариант рационального выбора для пролетариев, а именно возможность улучшения своего индивидуального и коллективного материального положения в условиях капитализма. С точки зрения теории рационального выбора это более рационально, нежели пытаться улучшить положение всего класса путем рискованного коллективного революционного действия. Тем более, что Маркс изначально исключил связь между научной критикой и чувством справедливости. Таким образом, мы имеем курьезную ситуацию, при которой даже если бы Марксовы законы истории и были верны, они все равно не могут быть приведены в действие, потому что никто не хочет их выполнять. Их выполнение просто не рационально ни с точки зрения капиталистов, ни с точки зрения рабочих. Следовательно, научная критика капитализма Марксом лишается всякого прагматического содержания, из нее не следует никакое действие¹.

Призрак утопического утилитаризма. При отсутствии действительно научного содержания единственным содержанием «научного» аргумента остается его «тайное» утилитарное содержание, о котором мы упоминали выше. Как нам представляется, действительный источник мотивационной силы научного коммунизма заключается в его тайном утилитаризме. Научный аргумент о неизбежности наступления коммунизма апеллирует к тайной и религиозной по своей сути мечте о земном рае. Как отмечает русский либеральный философ П.И.Новгородцев, одним из первых понявший тайный смысл научного коммунизма «поскольку марксизм был своего рода религией, он мог давать известное утешение тем, кто в него верил. Своими всеобъемлющими обещаниями он как нельзя более был пригоден для того, чтобы влиять на массы и воспламенять воображение. Но сам он хотел быть не религией, а наукой и влиять не на воображение, а на мысль. Свои религиозные обетования и надежды он облекал в форму научных выводов и аксиом. Свойственный ему пафос

¹ Об этом смотри подробнее: *Buchanan, A. Marx and Justice*. P. 86–103.

морально-религиозного настроения он соединял с торжественным провозглашением культа чистой науки»¹. Этот гипотетический марксистский утилитаризм сулит следующее: «В случае совершения социалистической революции и преобразования общества, как того хотят коммунисты (включая диктатуру пролетариата и упразднение прав человека), мы получим рай на земле. При этом общая сумма удовольствий у наших ближайший потомков (а если повезет, то и у нас) возрастет настолько значительно, что эти преобразования стоят некоторых страданий современников». Разумеется, такая аргументация никогда не высказывалась Марксом, но, как нам представляется, именно она играла закулисную роль тайной недостающей компоненты революционной мотивации. В этом случае мы имеем полное право применить ту критику утилитаризма, которая была нами представлена в предыдущей разделе. Как и всякая иная разновидность утилитаризма, коммунистический радикальный утилитаризм влечет за собой следующие интуитивно неприемлемые последствия: 1. Взаимозаменяемость индивидов. В том смысле, что счастье одного ничуть не лучше счастья другого. 2. Утилитарная жертвенность. В том смысле, что можно пожертвовать счастьем одних во имя счастья других. 3. Ценностный редукционизм. В том смысле, что человеческая жизнь не имеет здесь самостоятельной ценности. Разумеется, марксизм имеет некоторые иные ценности, которые могут выступать как противовесы против этих последствий. Это ценность возвышения потребностей личности, протест против эксплуатации и отчуждения. Но эти противовесы, в силу их неопределенности, являются куда более слабыми, чем противовесы классического утилитаризма в виде равенства, свободы и права. Кроме того, понятие потребностей в марксизме является более туманным, чем понятие удовольствия в классическом утилитаризме.

Тем не менее аргумент радикального утилитаризма мог бы оказать серьезное воздействие на массы, если бы только им удалось внушить, что построение коммунизма обязательно приводит к такому результату. Аргумент марксистского утилитаризма мог бы приобрести характер массового мотива лишь при определенных условиях, которые можно рассмотреть, используя некоторые элементарные положения теории рационального выбора. Прежде всего, в обществе должно быть представлено значительное количество людей, склон-

¹ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Прогресс, 1991. С. 229.

ных к риску, готовых поставить играть по принципу «все или ничего». Эти люди должны быть в высшей степени альтруистически настроены, поскольку от них требуется отказаться от своего счастья во имя счастья будущих поколений. Подобного рода сочетание встречается крайне редко для современных обществ. Хотя возможно, что в России в 1917 году сработала рациональность подобного рода. Но современный человек не готов рискнуть своими правами, свободами и счастьем во имя бесконечных удовольствий потомков в отдаленном будущем, называемом коммунизмом. Как верно отмечает Бюкенен «нормативная неадекватность марксистских взглядов очевидна: учитывая улучшающееся положение пролетариата, рациональность революционного действия становится сомнительной»¹.

Оправдание эксплуатации. Перейдем теперь к аргументу об эксплуатации. Сила аргумента о зле эксплуатации, как было показано выше, основана на утверждении, что в условиях частной собственности на средства производства труд рабочего является вынужденным, неоплаченным и приносящим ему вред. Все эти три признака обязательно должны иметь место. В противном случае аргумент теряет силу.

Начнем с тезиса о принудительном характере прибавочного труда. В условиях современного государства благосостояния голод не ставит уже рабочего в то невыгодное положение, о котором писал Маркс. Для большинства потенциальных продавцов рабочей силы имеется другая альтернатива в виде получения дотации государства, а иногда и возможности организовать свой бизнес. Человек принимает условия капиталиста по той причине, что хочет улучшить свое положение, но его не толкает на это страх голодной смерти. Желание продавать свой труд очень часто может быть вызвано не только материальными, но и социальными и моральными причинами, например, стремлением к общению или достижению посредством совершенствования в избранной профессии. Кроме того, в условиях современной смешанной экономики рабочий имеет возможность выбирать между трудом на государственном и частном предприятии. Если условия труда на частном предприятии устраивают его больше, было бы крайним доктринерством осуждать его за это. Маркс мог бы возразить на это, что и государство тоже является орудием капиталистов, но мы можем представить дело несколько иначе. Предположим, что государство находится в руках пролета-

¹ Buchanan, A. Marx and Justice. P. 88.

риата и пролетариат считает возможным допустить определенную долю частной инициативы в производстве, как это было в России при нэпе. В этом случае эксплуатация, возможно, и имеет место, но уж точно нет принуждения. Таким образом, принуждение не является обязательным признаком прибавочного труда в условиях частной собственности на средства производства.

Другой тезис Маркса, – это тезис о вреде труда для рабочего. В условиях современного либерального государства этот тезис не представляется верным. Существуют многочисленные формы контроля труда, и этот труд, очень часто, напротив, может быть развивающим, во всяком случае, он не содержит в себе прямой угрозы жизни и здоровью. В любом случае иная, не либеральная форма организации общества не может предложить ничего лучшего. Что касается утверждения, что труд связан с моральной деградацией в виде отчуждения, то мы рассмотрим этот тезис чуть ниже.

Таким образом, в современных условиях единственной формой обоснования морального зла эксплуатации остается тезис о неоплаченности прибавочного труда. Вывод об эксплуатации вытекает из следующей цепи рассуждений:

Только рабочий создает продукт, имеющий стоимость.

Капиталист получает часть стоимости продукта.

Рабочий получает меньше стоимости, чем стоимость созданного им продукта.

Капиталист получает часть созданной рабочим стоимости.

Рабочий подвергается эксплуатации.

Полученный вывод представляется чрезмерно доктринальным и слишком сильным. Следовать этому тезису означало бы утверждать, что всякий прибавочный труд неизбежно содержит в себе эксплуатацию. Из него следует чрезмерно широкое утверждение, что всякая вообще неоплаченная деятельность обязательно содержит в себе эксплуатацию. Но если это так, то отсюда следует, что обязательное налогообложение с целью поддержания социальных программ тоже являет собой эксплуатацию. Фактически это возвращает нас к либертарному аргументу о собственности на самого себя, либертарному запрету на перераспределение доходов в обществе и требованию от государства быть не более чем «ночным сторожем». Но социализм в еще большей степени, нежели либеральное государство, нуждается в перераспределении благ как результатов труда, пусть даже этот труд будет добровольным и общепольным.

Есть еще одна проблема с эксплуатацией в процессе труда. В современном обществе имеет место еще худшая эксплуатация тех, кто хотел бы продавать свой труд, но лишен этой возможности. Таково, например, положение женщин, безработных и инвалидов. В действительности они страдают от несправедливости еще худшей, чем эксплуатация в процессе продажи труда. Существуют различные формы сексуальной, национальной, религиозной эксплуатации, которые не имеют ничего общего ни с собственностью на средства производства, ни с наймом рабочей силы. Для представителей этих групп равное участие в производительном труде было бы, напротив, средством избавиться от эксплуатации. Вот как, например, определяют угнетение современные феминистки: «Угнетение представляет собой систематический, институциональный процесс, который препятствует некоторым людям в получении и использовании удовлетворительных и широких навыков действий в социально признанных рамках, или институциональный общественный процесс, который сдерживает возможности людей в игре и коммуникации с другими, не позволяет выражать свои чувства и перспективы в социальной жизни, в контексте, который может быть услышан другими»¹. С точки зрения Янг, Марксова эксплуатация, напротив, была бы хорошим средством против угнетения.

В результате теория эксплуатации Маркса оказывается не только чрезмерно широкой, но и чрезмерно слабой, что позволяет Кимликке сделать вывод о существовании более глубокой несправедливости. «Предполагалось, что теория эксплуатации будет использована как радикальная критика капитализма. Но в своей стандартной форме она исключает многих, кто находится в еще более трудном положении при капитализме и, кроме того, запрещает действия, необходимые для помощи им (поддержка детей, безработных, малоимущих, женщин). Если теория эксплуатации хочет привлечь во внимание эти группы, она должна выйти за узкие рамки передачи прибавочной стоимости и исследовать вместо этого сами условия распределения, при которых эта передача становится возможной»².

Частная собственность на средства производства не обязательно содержит в себе эксплуатацию или может быть организована таким образом, что эксплуатация становится средством преодоления куда большего зла.

¹ *Young, I. Justice and the Politics of Difference. P. 38.*

² *Kymlicka, W. Contemporary Political Philosophy. P. 177.*

Между тем общественная собственность на средства производства имеет не меньшие шансы быть эксплуатирующей. Наиболее очевидный вариант, – это превращение бюрократии в эксплуатирующий класс при формально общественной собственности на средства производства или превращение социализма в диктатуру большинства, эксплуатирующего меньшинство населения. Подобные варианты эксплуатации теоретически возможны при любой общественной формации. Следовательно, общественная собственность не является панацеей от эксплуатации и существуют куда более серьезные формы эксплуатации, перед которыми бледнеет эксплуатация в условиях найма рабочей силы.

Оправдание отчуждения. Рассмотрим теперь основательность аргумента об отчуждении. Это более широкое возражение, поскольку от отчуждения страдают даже те, кто выигрывает от эксплуатации. Тезис об отчуждении входит в арсенал перфекционизма. Применяя аргументацию перфекционизма, необходимо указать, в чем именно заключается человеческое совершенство. С точки зрения Маркса, оно заключается в свободном, творческом, кооперативном труде, во имя торжества которого нужно отменить частную собственность на средства производства и продажу рабочей силы. Именно эти обстоятельства превращают нас в вещь. Нет необходимости доказывать преимущества свободного, творческого, кооперативного, неотчужденного труда. Действительно, большинство людей предпочли бы именно такой труд, если бы могли выбирать.

Однако подобного рода труд это не единственная ценность, которую можно выбирать. Например, я могу ценить свободное время еще больше, чем неотчужденный труд. Я могу предпочесть один час отчужденного, но высокооплачиваемого труда десяти часам неотчужденного. Потребление – это другое благо, которое может быть противопоставлено неотчужденному труду. Возможно, я хочу больше потреблять, но сделать это можно лишь путем вовлечения в отчужденный труд. Стремление к неотчужденному труду может также противоречить отношениям с семьей и друзьями. Путем своего отчужденного труда я имею возможность помочь своим близким. Стремление к самореализации может порождать и усугублять конфликты с семьей и друзьями. Существует множество других ценностей, которые могут поспорить с неотчужденным трудом. Запрет на отчужденный труд создаст необоснованные привилегии для одних за счет других. Более того, марксистский акцент на ценности неотчужденного производственного труда является в высшей степени секси-

стским, поскольку принижает роль женщин. Феминизм никогда не согласится с тезисом, что производство следует считать более человеческим занятием, нежели воспроизводство (рождение и воспитание детей). Наконец, нет никаких оснований соглашаться с Аристотелем и Марксом в том, что наши наиболее важные способности (способности к творческому труду) – это именно те, которые отличают нас от животных. Вывод, который делает Кимлика, представляется обоснованным: «Вопрос заключается не в том, является ли неотчужденный труд благом, но в том, является ли он абсолютным благом, благом, которое является условием достижения любого другого и которое превышает всех остальных благ. Нет никаких оснований полагать, что неотчужденный труд являет собой такое благо»¹.

Таким образом, мы можем сделать вывод о слабости основных аргументов классического марксизма против либеральной теории справедливости. Современный либерализм полностью вобрал в себя критический потенциал теории справедливости классического марксизма и является гораздо более сильной и основательной теорией справедливости. Русские либеральные мыслители, такие как Выше-славцев и Гессен, не менее чем марксисты обличали зло современного индустриализма, но понимали его намного шире: «Коренное зло современного общественного строя заключается не в классовом господстве, не в экономическом неравенстве, не в присвоении прибавочной ценности, даже не в нищете, а во всем этом лишь постольку, поскольку этим утверждается противоречащее правовой свободе и равенству превращение человека в простое орудие удовлетворения потребностей, его обезличение в вещь»². В отличие от либерализма марксизм не смог проделать долгого и трудного пути по самосовершенствованию³.

¹ *Kymlicka, W. Contemporary Political Philosophy*. P. 189.

² *Гессен С.И. Правовое государство и социализм*. С. 177.

³ Попытки встречного движения марксизма по направлению либерализма предпринимались неоднократно. Одной из первых из них следует признать концепцию либерального социализма Карло Россели, которая была изложена в его книге «Либеральный социализм». Либерализм оказался более успешным в своем встречном движении к социализму под знаменем социального либерализма или неолиберализма.